

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

На правах рукописи

Пулькин Максим Викторович

Сельские приходы Олонецкой епархии
во второй половине XVIII в.

Специальность: 07. 00. 02. – Отечественная история

АВТОРЕЗЮМЕ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург 1995

Работа выполнена в Санкт-Петербургском филиале
Института российской истории Российской Академии наук

Научный руководитель - доктор исторических наук
Анисимов Е.В.

Официальные оппоненты - доктор исторических наук,
профессор
Масленникова Н.Н.
кандидат исторических
наук Фирсов С.Л.

Ведущая организация - Санкт-Петербургский госу-
дарственный университет

Защита состоится " _____ " _____ 199__ г.
в 14 часов 30 минут на заседании диссертационного совета
Д.002.33.03. при Санкт-Петербургском филиале Института
русской истории Российской Академии наук / 197110,
Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7 /.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Санкт-
Петербургского филиала Института русской истории РАН.

Автореферат разослан " _____ " _____ 199__ г.

147547к

Ученый секретарь
диссертационного совета

Т.В. Андреева

1. Общая характеристика работы

Актуальность темы обусловлена широкой распространенностью, массовостью приходской формы организации религиозной жизни, особым значением прихода в осуществлении культурно-этических функций сельской общины. Прежде всего, приход является моноконфессиональным союзом. Первостепенное значение приобретают, следовательно, такие проблемы, как требослужение, богослужение, а также влияние на религиозную жизнь языкового барьера, дохристианских переживаний и бесперомонного вмешательства старообрядцев.

Значимость исследования прихода связана и с изучением материальных основ религиозной жизни. Особую важность, следовательно, приобретают такие аспекты истории конфессиональных общин, как строительство и обеспечение всем необходимым храма, а также снабжение белого духовенства. Эта проблема тесно связана с такими чисто светскими вопросами, как традиции крестьянского землепользования, фискальные обязательства общины, принципы раскладки налоговых сумм между плательщиками. В то же время здесь ощутима церковная проблематика, особенно отчетливо проявляющаяся при изучении круга обязанностей церковного старосты.

Приход являлся также административно-территориальной единицей - церковным округом. В этой связи особую значимость приобретают такие вопросы, как соотношение прихода и волости, развитие приходской системы и попытки ее насильственной перекройки. Тесно связаны с проблемой исследования религиозного сознания расселенческие характеристики прихода - расстояния между храмом и приходскими селениями. Не менее значимо изучение сословного характера прихода, численности населения, составляющего приходские общины.

Конфессиональная община являлась также одним из наиболее эффективных орудий христианизации. Богослужение, требослужение, общение на основе православных ценностей являлись значимыми факторами приобщения к православию представителей различных народов, населяющих Олонецкую епархию. Прежде всего, именно в приходе осуществлялся синтез русской и карельской культур. В этом синтезе христианство, безусловно, являлось русским пластом.

Таким образом, изучение прихода имеет несомненную ценность в связи с продолжающимся исследованием таких традиционных для российской историографии тем, как культурно-этические функции сельской общины, история старообрядчества, межэтнических контактов, традиций крестьянского землепользования. Кроме того, изучение сельских приходов позволяет заполнить существенные пробелы, сохраняющиеся в истории православной церкви. Все это в совокупности и определяет актуальность избранной темы.

Цель и задачи исследования. Основной целью диссертации является изучение внутреннего строя приходской жизни: как новаций, так и традиционного уклада, формирующего устойчивый облик конфессиональных общин. В соответствии с этим, в работе ставятся следующие задачи:

- изучение воспроизводства материальных и организационных основ религиозной жизни в приходе, а также формирования приходских выборных институтов власти и порядка заполнения церковных вакансий;
- анализ процесса функционирования приходских институтов власти, способов снабжения духовенства, контроля над поступлением и расходованием церковного имущества, а также исследование внебогослужебного общения между клиром и прихожанами;
- постановка вопроса о распаде традиционного - унаследованного от XVII в. - строя приходской жизни.

Территориальные рамки исследования включают Олонецкую епархию, которая была создана 15 июля 1764 г. Епископ Олонецкий и Каргопольский являлся также викарием Новгородским. В дальнейшем - в 1787 г. - Олонецкая епархия была объединена с Архангельской. В состав территории исследования не включен, однако, Устюжский заказ, находившийся в составе епархии относительно короткий срок. По светскому административно-территориальному делению основная часть Олонецкой епархии входила в состав Олонецкой губернии.

Хронологические рамки исследования охватывают вторую половину XVIII в. и обусловлены изменениями в правовой регламентации одного из центральных вопросов в истории прихода - выборов духовенства. Как известно, в 1754 г. был прекращен приток в состав духовенства выходцев из податных сословий, а в конце столетия - в 1799 г. - действие той части

"Духовного регламента", которая узаконивала избрание духовенства прихожанами, было отменено. Для решения сформулированных выше задач используются и более ранние материалы, а в ряде случаев - документы XIX в., позволяющие реконструировать не отраженные в делопроизводстве учреждений, существовавших в XVIII столетии, подробности приходской жизни.

Изученность темы. История конфессиональных общин в XVIII в. относится к числу наименее изученных проблем истории русской церкви. На этот пробел уже неоднократно указывалось в литературе /См.: Зольникова Н.Д., 1990; Камкин А.В., 1995; Громико М.М., 1989/. Относительно активное исследование приходской проблематики в дореволюционный период было обусловлено дискуссией о путях возрождения православного прихода. /См.: Багрепов Д., 1902; Белявский Ф.; 1917; Болдовский А.Г., 1903; Верховской П.В., 1912; Войтков А., 1904; Григорович Н., 1867; Дианян А., 1904; Заозерский Н., 1902; Знаменский П.В., 1873, 1887; Иванов П.А., 1914; Иванов Н.И., 1915; Климов Н., 1902; Маркевич Г.И., 1915; Моздалевский В.Л., 1912; Папков А.А., 1897, 1898, 1899, 1907; Поселянин Е., 1903; Ростиславов Д.И., 1886; Рункевич С.Г., 1900; Руновский Н., 1898; Соколов Р., 1895; Титлинов Б.В., 1917; Юшков С.В., 1913/. Практическая направленность исследований привела к ограничению диапазона рассматриваемых проблем. Основное внимание уделялось выборам и снабжению духовенства, формированию имущества приходских церквей. Изучение сельских приходов Олонецкой епархии в этот период ограничивалось краеведческими работами по истории отдельных приходов.

После 1917 г. изучение прихода было прервано. В немногочисленных обобщающих трудах по истории русской церкви при рассмотрении истории приходской жизни основное внимание уделялось законодательной регламентации. Заметный шаг вперед был сделан в труде Н.Д. Зольниковой /См. Зольникова Н.Д., 1990/, использовавшей достижения историков-исследователей сельской общины для изучения прихода и разработавшей методику описания количественных параметров сельских и городских приходов. В то же время в ее труде вне рамок исследования остались такие специфически-церковные вопросы, как приходские традиции, требоисполнение. В значительной мере этот недостаток был преодолен А.В. Камкиным,

в труде которого проблеме прихода на Европейском Севере России в XVII в. отведено существенное место. В то же время избранная А.В. Камкиным обширная территория исследования не позволила ему отразить специфику Олонецкой епархии: влияние на приходскую жизнь низкой плотности населения, значительного влияния старообрядчества, языкового барьера между священно- и церковнослужителями и прихожанами. Что касается сельских приходов Олонецкой епархии во второй половине XVII в., то они никогда не ставились в качестве предмета специального исторического исследования.

Основными источниками для исследования являются документы, сконцентрированные в одиннадцати архивохранилищах: Российском государственном архиве древних актов, Российском государственном историческом архиве, Государственном архиве Архангельской области, Центральном государственном архиве Республики Карелия, Архиве Карельского научного центра РАН, Архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, Отделе письменных источников Государственного исторического музея, а также в Отделах рукописей Библиотеки Российской Академии наук, Института русской литературы, Российской национальной библиотеки, Российской государственной библиотеки.

Из опубликованных материалов были привлечены нормативные и законодательные акты государственного и церковного происхождения, включенные в "Полное собрание законов Российской империи", "Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания", "Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода". Учены публикации в "Сборнике императорского русского исторического общества", а также местной /епархиальной и губернской/ периодике.

Использованные для написания диссертации источники подразделяются на шесть групп. К первой группе относятся законодательные акты, позволяющие выявить нормативное положение в изучаемой сфере церковной жизни. Ко второй группе относятся материалы делопроизводства местных и центральных органов власти, а также переписка между ними. Важной составляющей этой группы является ставленническое делопроизводство. К третьей группе относятся регистрационно-

учетные и статистические документы. Это данные "разборов" духовенства, "Ведомости о состоянии церковных приходов", исповедные ведомости. К четвертой группе относятся материалы приходского делопроизводства: "выборы", прошения о строительстве церквей, "верующие письма". К этой же группе примыкают приходо-расходные книги церквей, "росписи" храмового имущества, прошения церковников и крестьян, связанные с конфликтами между прихожанами и клиром. Пятую группу составляют документы, рожденные генеральным межеванием: карты и планы, позволяющие судить о масштабах отвода земель к приходским церквам. Шестую группу составляют документы старообрядческого происхождения: постановления выговских "соборов" и старообрядческие полемические сочинения.

Методика исследования основывается на системном подходе, предполагающем комплексное изучение предмета, рассматриваемого в качестве системы во взаимодействии всех его компонентов. Основным методом обобщения материалов является сравнительно-исторический метод. Он позволяет выявить изменения, произошедшие в деятельности приходских структур власти в течение второй половины XVII в., проследить эволюцию ставленнического делопроизводства, а также выявить особенности решения дел, связанных с ремонтом и строительством церквей.

Научная новизна работы определяется тем, что в качестве самостоятельной темы исторического исследования история приходов Олонецкой епархии во второй половине XVII в. рассматривается впервые. Исследование закрывает пробел в изучении особенностей конфессиональных общин во второй половине XVII в. и вводит в научный оборот значительное количество неопубликованных материалов. В работе впервые делается попытка представить строительство церквей, формирование клира, снабжение священно- и церковнослужителей, требоисполнение и внебогослужебное общение между церковниками и прихожанами как взаимосвязанные процессы.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы в обобщающих трудах по истории культуры населения Российского Севера, при разработке истории межэтнических контактов, при чтении курсов истории религии в учебных заведениях.

Апробация работы. Основные положения диссертации были

изложены в виде публикаций, а также послужили темой докладов на заседании Отдела древней истории России Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН /1995 г./, а также на Международной научной конференции "Вытовская поморская пустынь и ее значение в истории русской культуры" /Петрозаводск, 1994 г./, Семинаре историков Республики Карелия и Финляндии "Исторические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии" /Петрозаводск, 1994 г./, Республиканской научно-практической конференции "Традиции образования в Карелии" /Петрозаводск, 1994 г./, Вторых чтениях, посвященных памяти А.А. Зимина /Москва, 1995 г./, Международной конференции "Секуляризационные процессы и христианская цивилизация" /Санкт-Петербург, 1995 г./, Международной научной конференции "Рябининские чтения" /Петрозаводск, 1995 г./. Работа обсуждена и рекомендована к защите на заседании Отдела древней истории России Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН.

Структура диссертации. Работа состоит из основной части и приложений. Основная часть включает введение, три главы, заключение, примечания, списки использованной литературы и источников, список сокращений.

2. Содержание диссертации

Во "Введении" обоснована актуальность темы, определены цель и задачи исследования, его территориальные и хронологические рамки, степень изученности темы и ее научная новизна, приведена классификация приходов по демографическому и расселенческому признакам.

Первая глава - "Сельский храм" - посвящена проблемам строительства церквей и часовен, традициям использования церковного здания, а также путям формирования имущества церкви и способам контроля над ведением храмового хозяйства.

Комплекс проблем, связанных со строительством церкви, оставался в XVII в. предметом забот духовных и светских властей. Усилия законодателей были направлены на постепенное ограничение прав приходской общины в церковных вопросах. Но сохранялось самое важное: храмы /церкви и часовни/ возводились только по "самопроизвольному желанию" приход -

ской общины и за ее "счет". Прихожане просили Синод или епископа разрешить возведение храма и брали на себя обязательство "безо всяких отмен" снабжать всем необходимым как парков, так и клир. Из 28-ми обнаруженных мною дел лишь одно содержит данные о возведении храма полностью не за "мировой" счет.

Случаи отказа прихожанам крайне редки и связаны с отсутствием в приходе "указной пропорции земли". Таким образом, законодательные ограничения в идеале должны были обеспечить клир строящейся церкви средствами к существованию. В то же время регламентация архитектурных особенностей церкви до начала 1790-х гг. прослеживается слабо. Отрывочные сведения позволяют утверждать, что она зависела не столько от требований закона, сколько от усердия епископа. В последнее десятилетие XVII в. ситуация меняется. При строительстве церкви прихожане были обязаны представить "план". Утвержденный в консистории, он становился руководством для зодчих. Целью надзора была, вероятнее всего, большая утилитарность церковного здания. Прочие подробности архитектуры, декор церквей занимали духовные власти значительно меньше.

Относительно легко решая вопрос о строительстве церкви, прихожане могли опереться на сложившуюся ранее приходскую систему. Из 28-ми рассмотренных в консистории дел о строительстве церквей в Олонецкой епархии во второй половине XVII в., лишь в трех случаях речь шла о возведении храмов там, где раньше их не было, в двух - о пристройке алтаря к часовням. В остальных случаях предполагалось восстановление старых церквей. Со значительно большими ограничениями было связано строительство часовен. В ряде случаев консистория запрещала возводить часовни приверженцам официальной церкви, но в епархии продолжали существовать многочисленные часовни в старообрядческих скитах.

Строительство церкви требовало неоднократных, хотя и формальных, согласований, проверок со стороны "заказчиков", духовных правлений, консистории. В то же время формы использования церковного здания были разнообразны и далеко не всегда напрямую связаны с богослужением. Церковная трапеза использовалась как место проведения "сходбищ". В праздники церковь становилась средоточием торговли. Мнение М.М. Бого-

словского о том, что в XV в. каждая приходская церковь служила архивом для мирских документов, подтверждается и источниками XV столетия. Сохранялась выдача ссуд из церковной казны нуждающимся в свободных средствах крестьянам. Проведение брачтин в храмовые праздники в Олонецкой епархии прослеживается и по документам XV в., и по заметкам, появившимся в периодической печати в конце XIX в. Таким образом, традиции внебогослужебного использования церковного здания сочетались со значимостью храма как культурного центра, способствуя, в конечном итоге, укреплению авторитета православия.

Имущество церкви складывалось из первоначального взноса от прихожан, состоящего из необходимых, согласно закону, утвари и одеяний. Обеспечив минимум, без которого церковь не могла быть освящена, прихожане продолжали заботиться о благосостоянии своего храма. Крупные вклады делались "всеми мирскими людьми". Но наиболее распространенным был вклад от частных лиц, связанный с различными событиями в жизни крестьян. Имущество храма пополнялось и из мирских сумм. Средства, необходимые для ведения храмового хозяйства, поступали в бюджет храма от завещателей.

Прихожане Олонецкой епархии сохраняли за собой значительные права в распоряжении церковным имуществом. Понять суть этих прав позволит изучение обязанностей церковного старосты, являющегося посредником в материальных вопросах между приходской общиной и клиром. Круг забот церковного старосты был определен в законодательстве XV в. довольно приблизительно. Однако, на мой взгляд, нет оснований полагать, что функции церковного старосты выходили за рамки контроля над поступлением и расходованием церковной казны и сохранностью разнообразного имущества, находящегося в храме.

Материалы расследования дел об ограблении церквей свидетельствуют о том, что чаще всего прихожане оставляли за собой доступ к церковной казне, а за священно- и церковнослужителями - лишь в здание церкви: ключи от "казенного ящика" хранились у церковного старосты, а от церкви - у клириков. В случае ссоры прихожан со священником или причетниками ограничение доступа последних к церковному имуществу становилось еще более жестким. Эти же дела свидетельствуют о повсе-

местном отсутствии трапезников при церквях Олонецкой епархии в XV в.

Таким образом, лишь одна сфера деятельности приходской общины, связанная с храмом, подвергалась пристальному надзору местной администрации и становилась объектом внимания законодателей. Этой сферой деятельности приходской общины было строительство храма. В вопросах использования церковного здания и распоряжения имуществом церкви прихожане проявляли не активность законопослушных граждан, а усердие хозяев.

Вторая глава - "Формирование клира" - посвящена выявлению принципов подбора церковников, исследованию эволюции ставленнического делопроизводства, а также изучению причин и обстоятельств "перемены" клириков.

Правовой основой, закрепляющей за прихожанами право избрания священно- и церковнослужителей, являлся "Духовный регламент". К середине XV в. его требования были дополнены отменой доступа в духовенство выходцев из податных сословий. Кроме того, в соответствии с "Духовным регламентом", владыка получал право отказать в рукоположении угодному крестьянам ставленнику в том случае, если мог предложить вместо него более образованного кандидата на место в составе клира. Однако обстоятельное изучение всех материалов, свидетельствующих об уровне образованности священно- и церковнослужителей, позволяет утверждать, что в Олонецкой епархии на протяжении всего изучаемого периода не сложилось сколько-нибудь значительной прослойки образованных церковников.

Не мог владыка рассчитывать и на безразличие крестьян к вопросам формирования клира. Изучение крестьянских показаний показывает, что крестьяне не допускали нарушений их прав, ссылаясь на нормы "Духовного регламента", трактуемые ими, правда, весьма своеобразно: "кого мы, прихожане, удобрим и изберем, того и производить велено". Синод, в который крестьяне обращались с жалобами на произвол в решении ставленнических дел, нередко решал споры между прихожанами и архиереем в пользу первых.

Итак, законодательные ограничения незначительно влияли на право прихожан избирать священно- и церковнослужителей. Но возможности подбора клириков могли ограничиваться

приходскими традициями: наследованием мест, передачей их в приданое и уступкой на условиях пожизненного содержания. Сохранившиеся в "Ведомостях о состоянии церковных приходов" биографии священно- и церковнослужителей, а также прошения церковников, так или иначе связанные с формированием клира, позволяют утверждать, что случаи наследования, передачи в приданое и "уступки" священно- и церковнослужительских мест были немногочисленны. Кроме того, речь шла только о знатных преимуществах при получении должности, не освобождавших кандидата на должность в составе клира от обращения за "выбором" к прихожанам.

Таким образом, "выбор" оставался в Олонецкой епархии в XVIII в. значимой частью ставленнического делопроизводства. Формуляр "выбора", как и прочие документы, необходимые для рукоположения, изменялись, отражая постепенный процесс ограничения прав прихожан. Наиболее подробным, содержащим разнообразные критерии /семейное положение, "твердость" в православной вере, сословная принадлежность/, "выбор" был в тот период, когда территория Олонецкой епархии входила в состав Новгородской. После создания Олонецкой епархии формуляр "выбора" существенно упрощается. Основные сведения консистория получает не от прихожан - как прежде, - а из собственного архива. Одновременно появляется, в качестве самостоятельного требования, "рукоприкладство" под "выбором" не только крестьян, но и церковников. После объединения Олонецкой и Архангельской епархий прежний формуляр "выбора" сохраняется, однако содержащиеся в нем сведения, судя по ставленническим делам, дополняются еще более разнообразными сведениями из архива консистории.

Но если в избрании клириков возможности прихожан, хоть и незначительно, но постоянно сокращаются, то в вопросах "перемены" священно- и церковнослужителей прихожане сохраняют незыблемые права. Конфликты между прихожанами и клиром, данные о которых сохранились в архивах консистории и Синода, позволяют утверждать, что во второй половине XVIII в. проявляется значительная самостоятельность церковников, позволяющая им идти на конфликт с паствой. В то же время исход таких дел свидетельствует о том, что власть прихода над церковниками в рассматриваемый период была велика. Во-первых, Синод никогда не оставлял без внимания коллектив -

ные прошения прихожан. Во-вторых, местные органы церковного управления, как правило, не дожидаясь результатов следствия, переводили неугодного крестьянам ставленника "к другой каковой церкви". В-третьих, во всем завися от крестьян, конфликтующий с ними священно- или церковнослужитель сам начинал искать себе другое место. Исход конфликтов, таким образом, однотипен: крестьяне производили "перемену" одного церковника.

Третья глава - "Взаимоотношения духовенства и прихожан" - посвящена проблемам снабжения клириков, требованию и внебюджетному общению между духовенством и прихожанами.

Снабжение священно- и церковнослужителей состояло из земельного участка, руги, размеры которых определялись не строительством церкви, а также платы за требы, которая хотя и была регламентирована законом 1765 г., но в Олонецкой епархии в XVIII в. определялась традицией, договоренностью между крестьянами и священником. Земля являлась наиболее стабильным источником средств к существованию. Прочие виды доходов /помимо перечисленных/ не были постоянными и зависели от предприимчивости клириков.

В соответствии с "Инструкцией меженим губернским канцеляриям", к приходской церкви, духовенство которой не было "ругой удовлетворено", следовало отводить участки земли размером не более 30 десятин. По данным на конец XVIII в. /"выборам", "Ведомости о состоянии церковных приходов", прошениям церковников/, количество приходов, духовенство которых могло подтвердить свои права на пользование землей картами и планами генерального межевания, было незначительно /6 из 49 приходов, о которых сохранились сведения/. Большинство священно- и церковнослужителей владели землями, отведенными им "миром". В ряде случаев клирики получали участки от завещателей или пользовались "своими трудами упаханными" угодьями.

Другой важной составляющей частью доходов духовенства была руга, которая подразделялась на "ругу рядную" и "добродотное подавание". Первая определялась при строительстве церкви, а также при избрании священно- и церковнослужителей, когда крестьяне указывали в "выборе" /иногда в довольно расплывчатой форме/ предполагаемые размеры выплат духо-

венству. Ругу, несомненно, собирали сами священно- и церковнослужители. Периодичность сбора руги в законодательстве определена не была. Вероятно, она зависела от местных условий. Полученное от прихожан распределялось между церковниками в зависимости от должности в составе клира. Самую большую долю получал священник. За ним - в порядке убывания - следовали доли дьякона, дьячка, пономаря. Что касается "доброхотного подаяния", то его размеры не устанавливались. Оно лишь упоминается в "выборах" и прошениях о строительстве церкви.

Прочие разновидности крестьянских выплат священно- и церковнослужителям прослеживаются по источникам значительно слабее. В некоторых случаях, судя по завещаниям, прихожане оставляли небольшие суммы клиру своей церкви. Столь же незначительны сведения о торговле, которой, несомненно, занимались священно- и церковнослужители. Консистерия запрещала церковникам занятия коммерцией, справедливо полагая, что поездки с торговыми целями отвлекают церковников от основной обязанности - богослужения и требоисполнения. И все же отрывочные свидетельства, проникшие в делопроизводство, а также факты записи представителей духовного сословия в купечество Петрозаводска и Санкт-Петербурга позволяют утверждать, что этот источник дополнительных доходов священно- и церковнослужителей сохранялся.

Таким образом, порядок снабжения клириков, несомненно, накладывал сугубый отпечаток на церковную жизнь, вынуждая священно- и церковнослужителей приспосабливаться к требованиям "мира". Не менее значимо было и воздействие внешних по отношению к религиозной жизни условий. К их числу относятся, прежде всего, значительные расстояния между храмом и приходскими селениями, особенно остро ощущаемые при провозе к церкви "мертвых тел". Причт вынужден был путешествовать по приходу, совершая иногда со значительным опозданием - религиозные обряды. В свою очередь, крестьяне, живущие в отдаленных от церкви селениях, крайне редко посещали приходской храм.

Другим существенным фактором, влияющим на практику требоисполнения в Олонецкой епархии, был языковой барьер между прихожанами и священнослужителями. В Повенецком уезде, по данным В.М. Кабузана /1990 г./, численность карелов до-

стигала 45%. В то же время крайне редко встречаются упоминания о священно- и церковнослужителях, владевших языком местного населения. Этот фактор не учитывался и при подборе кандидатов на священно- и церковнослужительские должности. Кроме того, владеющие карельским языком клирики не могли в полной мере реализовать свои познания, поскольку не имели необходимой богослужебной литературы на карельском языке.

С языковыми сложностями тесно переплетена проблема влияния старообрядчества. Нередко карелы оставались равнодушными к пастырским поучениям своих священников, но доверчиво внимали старообрядцам, знакомым с их языком и обычаями. Отчеты комиссий, в разные годы XVIII и начала XIX в. посещавших Олонецкую епархию, единодушно свидетельствуют об исключительно высоком влиянии старообрядцев. Этому выводу, на первый взгляд, противоречат данные исповедных ведомостей, содержащих, кроме всего прочего, списки "записных раскольников". Количество "записных раскольников", судя по этому источнику, было невелико: всего 526 человек обоного пола на 97 646 прихожан, о которых сохранились сведения. /Все данные за 1795 г./. Противоречие между этими данными и выводами комиссий объясняется просто: значительная часть прихожан не видела разницы между старообрядческими "зборищами" и богослужением в церкви, посещая и праздники в честь "неслыханных чудотворцев" в Выговском "обществе" и собственную приходскую церковь.

Все перечисленные факторы, безусловно, накладывали отпечаток на требоисполнение. С наибольшими трудностями местные духовные и светские власти сталкивались при организации исповеди, участие в которой расценивалось не только как христианский долг, но и как обязанность верноподданного. Суровые административные меры, применяемые в деликатном церковном вопросе, привели к такому эффекту, который нельзя не назвать обратным ожидаемому. С одной стороны, священно- и церковнослужители использовали предоставленные им полномочия для того, чтобы омрачить жизнь супостатам. С другой - клирики, получая от прихожан взятки, показывали не бывавших на исповеди "бывшими".

Кажущееся противоречие между, с одной стороны, строительством церкви за "мирской счет", инициативой прихожан в

подборе клириков и, с другой стороны, отказом от исполнения одного из основных таинств объясняется, на мой взгляд, достаточно просто. Не все церковные таинства воспринимались крестьянами как равнозначные. В отличие от таинства покаяния, таинство брака имело в жизни олонечских крестьян первостепенное значение. Об этом свидетельствуют дела о вымогательствах, к которым нередко прибегал клир перед венчанием. Крестьяне предпочитали вносить значительные суммы, но не вступать в брак без венчания. Еще одним аргументом служат данные о "невольном обвенчании". Обряд, пусть и совершенный насильственно, рассматривался обеими сторонами как имеющий несомненную силу. В противном случае "невольное обвенчание" было бы бессмысленно. В-третьих, о значимости венчания свидетельствуют постановления старообрядческих /выговских/ соборов, предписывавшие старообрядцам венчаться в "никонианской" церкви.

Прочие таинства соблюдались в Олонечской епархии менее скрупулезно. Точному исполнению таинства погребения мешали значительные расстояния между церковью и приходскими селениями, отлучки священников из приходов, а также установившаяся в Олонечской епархии обрядовая практика, существенно отличающаяся от церковных канонов: нередко священники отпевали покойников, погребенных более чем полгода назад. Аналогичные трудности возникали и при крещении младенцев. Как и перед погребением, прихожане отказывались удовлетворить непомерные запросы священника. Кроме того, в Олонечской епархии, как и в Сибири, отмечаются проявления "стихийной беспоповской практики" /Н.Н. Покровский/ - крещения младенцев мирянами без последующего миропомазания.

Помимо богослужения и требоисполнения, существенную роль в жизни прихода в ХУІІІ в. продолжали играть разнообразные формы внебогослужебного общения между причтом и прихожанами. Законодательство ХУІІІ в., решительно мешавшая во взаимоотношениях клира и крестьян, запрещает первому участвовать в делах сельской общины. Одновременно учащаются случаи приглашения священно- и церковнослужителей на сходы по инициативе чиновников местного уровня. Материалы делопроизводства Олонечской духовной консистории, в то же время, свидетельствуют о сохранении разнообразных, в том числе и запрещенных законодательно, форм общения меж-

ду клиром и прихожанами /составление документов и пр./. В действительности, таким образом, речь шла не о том, будет ли духовенство заниматься сугубо церковными делами или окажется вовлечено в решение светских проблем. Вопрос стоял иначе: как будут согласованы две тенденции: традиционное участие церковников в делах сельской общины и относительно новое явление - привлечение их к решению этих же вопросов по требованию местной администрации.

В ряде случаев /при решении вопросов о "взятии" рекрута, переделе земельных участков/ священники, по распоряжению губернатора /Г.Р. Державина/, участвовали в сходе и подписывали приговор. Однако привлечение священно- и церковнослужителей к улаживанию светских вопросов по инициативе прихожан было распространено значительно шире и предполагало рассмотрение более значительного диапазона проблем. Так, клирики становились свидетелями при заключении договоров: как по мелким, сугубо личным вопросам, так и при отправке в Петербург обязующихся "друг за друга умереть, ни в чем никоим образом не выдавать" челобитчиков. Невозможно не заметить, что такая роль священно- и церковнослужителей в значительной степени соответствовала тем функциям, которыми клирики напелялись по инициативе местной администрации. Положение церковника, таким образом, становилось двойственным: он мог быть и "агентом бюрократии", и уважаемым членом крестьянского сообщества.

Если в обыденных ситуациях этой двойственностью можно было пренебречь, то при чрезвычайных обстоятельствах - во время крестьянских волнений - позиция клириков проявлялась предельно отчетливо. "Оказалось, - докладывала Сенату в 1771 году следственная комиссия по делу о восстании приписных крестьян, - что живущие в противящихся погостах священно- и церковнослужители одного с теми крестьянами согласия". Таким образом, во многом завися от крестьян, церковники становились неотъемлемой частью крестьянского "мира". Но дела о "перемене" священно- и церковнослужителей свидетельствуют о том, что единение клириков и прихожан было относительным.

В "Заключении" изложены основные выводы исследования.

1. При изучении процесса воспроизводства материал -

ных и организационных основ приходской жизни, во-первых, строительство часовен и церквей рассматривается не как исключительно архитектурная, но и как законодательная, экономическая и социальная проблема. Опыт работ такого рода имеется. Однако исследование вопросов, связанных со строительством церквей, ограничивалось хронологическими рамками XV11 в. Это исследования М.М. Богословского, С.В. Кмкова, А.Я. Ефименко, А.И. Копанева, З.А. Огризко. Я продолжал начатый предшественниками путь, используя данные XV111 в. При этом мои выводы диаметрально противоположны мнению Н.Д. Зольниковой /1990/, которая полагала, что к концу XV111 в. в вопросе строительства церквей приходская община была отодвинута на второй план.

Во-вторых, аналогичные выводы сделаны мною и по другому существенному вопросу в истории прихода: выборам духовенства. Благодаря трудам П.В. Знаменского, А.А. Папкова, А.В. Карташева в историографии прочно утвердилось представление о полном подчинении приходской общины в этом вопросе давлению епископской власти. Мои выводы противоположны. Я полагаю, что в Олонецкой епархии действовали не отмененные до конца столетия нормы "Духовного регламента". Нарушение этих норм - отправка епископом в приходы ставленников без согласия крестьян рассматривалось и Синодом, и прихожанами как нарушение действующего законодательства и, как правило, пресекалось. Кроме того, мною подробно рассмотрена эволюция ставленнического делопроизводства и проблема "перемены" священно- и церковнослужителей, изучение которых в отечественной историографии только начинается.

2. В сфере исследования функционирования приходских институтов власти существенное место отведено мною проблеме снабжения священно- и церковнослужителей. В современной историографии /Н.Д. Зольникова, Г.Л. Фриз/ основное внимание уделено количественным характеристикам снабжения церковников. На мой взгляд, внимательный анализ приходского делопроизводства показывает, что целый ряд существенных статей дохода клириков не поддается изучению. Это плата за требы, доходы от торговли и промыслов, "добродотное подаяние" от прихожан, различные поборы с "потаенных раскольников" и пр. Основной акцент перенесен мною на сам

порядок снабжения священно- и церковнослужителей. Показано, что ни генеральное межевание, ни введение фиксированной таксы при оплате треб, ни предшествующие строительству церкви гарантии снабжения духовенства не внесли существенных изменений в традиционный механизм обеспечения священно- и церковнослужителей. Именно порядок снабжения церковников определял их статус в приходе, превращал их в составную часть крестьянского "мира", вынуждал вести образ жизни, сходный с жизненным укладом большинства прихожан.

Аналогичные закономерности прослеживаются и в распоряжении имуществом храма. В историографии, в частности, в трудах Н.Д. Зольниковой и А.В. Камкина безоговорочно указывается на ликвидацию приходской автономии в этом вопросе к середине XV111 в. По мнению этих авторов, причиной такого положения стали неустанные заботы архиереев о расширении полномочий клира. На мой взгляд, ситуация была противоположной. Консистория заботилась о сохранении за прихожанами значительных прав в контроле над церковным имуществом. Сохранялись также традиционные - унаследованные от XV11 в. - формы использования церковного здания, примыкающего к храму пространства и церковной казны.

Требое исполнению в работах П.В. Знаменского, П.В. Верховского, А.А. Папкова, В.И. Семеновского уделялось значительно меньшее внимание, чем всем прочим проблемам истории прихода. Современные работы - в особенности диссертация А.В. Камкина - отводят проблеме требое исполнению существенное место. Основное внимание при этом уделяется традиционно рассматриваемым при изучении обрядности аспектам: выявлению функционально-ролевых групп среди прихожан и изучению самого ритуала. Между тем источники дают возможность выявить такой существенный аспект религиозной жизни, как отношение крестьян к исполнению церковных таинств. Кроме того, в моем исследовании учтены такие существенные внешние факторы, как значительные расстояния между церковью и приходскими селениями, языковой барьер между священно- и церковнослужителями и прихожанами, влияние старообрядчества.

3. Проблема распада традиционного строя приходской жизни является одной из наиболее часто рассматриваемых в исторических трудах. К проявлениям распада унаследованных от XV11 в. форм приходской жизни, как правило, относят отмену

1475247K

выборности духовенства, пересмотр порядка распоряжения церковным имуществом, изменения в снабжении священно- и церковнослужителей. Проведенное мною исследование позволяет сделать противоположные выводы. Представляется, что проблема распада традиционного строя приходской жизни может быть сведена к последствиям законодательной регламентации строительства церквей, грубому вмешательству светской власти в церковные дела, особенно отчетливо проявившемуся в организации исповедного учета.

В Приложениях помещена карта Олонецкой епархии, копия плана церкви, подготовленного прихожанами Шальского прихода Пудожского уезда в 1794 г., а также количественные характеристики сельских приходов Олонецкой епархии, составленные на основании данных исповедных ведомостей.

По теме диссертации опубликованы
следующие работы:

1. "Выборы" как источник для изучения сельской приходской об-
щины в ХУ111 в. /По материалам Олонецкой епархии/ // Актуаль-
ные проблемы археографии, источниковедения и историографии:
Тез. докл. науч. конф. - Вологда, 1995. - С. 259-260.
2. Выгорепия в системе Российской империи /К вопросу об эволю-
ции взаимоотношений старообрядческой общины и государства/
//Актуальные проблемы истории дореволюционной России. - СПб.,
1992. - С. 57-64.
3. Г.Р. Державин и выговские старообрядцы // Выговская помор -
ская пустынь и ее значение в истории русской культуры: Тез.
докл. науч. конф. - Петрозаводск, 1994. - С. 77-80.
4. Источники для изучения имущественного положения сельского
приходского духовенства в ХУ111 в. /По материалам Олонецкой
епархии/ // Россия в X-XУ111 вв. Проблемы истории и источ-
никоведения: Тез. докл. науч. конф. - М., 1995. - С. 460-
463.
5. Сельский храм //Север. - 1995. - № 8. - С. 149-160.
6. Традиции внебогослужебного использования церковных зданий в
ХУ111 в. /По материалам Олонецкой епархии/ // Секуляризацион-
ные процессы и христианская цивилизация: Тез. докл. науч.
конф. - СПб., 1995. - С. 26-27.